

Рерих, Окуджава, Самсонов

ВЛАДИМИР САМСОНОВ

Странное сочетание, однако, это было... Святослав Рерих в Индии, Булат Окуджава в Москве и я, Владимир Самсонов в Королёве...

Мне, одному из создателей нашего Центра управления космическими полётами (ЦУП) в Королёве, пришлось участвовать во всех сторонах деятельности ЦУП, являясь участником и свидетелем многих примечательных событий, в том числе и не связанных напрямую с непосредственным управлением полётами. Так, в работах по баллистическому обеспечению запусков индийских ракет «Ариабата» и «Бхаскара» в Космическом Центре в Индии принимал участие мой старый друг Иван Дмитриевич Егоров, выпускник МГУ, человек с разносторонними интересами. Одними из них были бардовские песни, которые он любил исполнять под собственный аккомпанемент на гитаре.

Бывая в командировках в Индии, он серьёзно заинтересовался историей и культурой Индии, его в этом поддержала дочь, тоже выпускница МГУ (ныне известный индолог). Ознакомившись с философскими аспектами индуизма и его связями с православием, он задался целью встретиться с проживающим там нашим известным учёным и подвижником, художником Святославом Рерихом, сыном легенды мировой истории Николая Константиновича Рериха. Как известно, в Москве есть Музей Рериха (в центре, рядом с Музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина), в котором представлены также и работы

его сыновей. Основной темой художников были и остаются Гималаи, прекрасные виды сказочных снежных вершин и изображения жизни в Непале, жанровые сцены в Катманду и т.п. Наше альпинистское сообщество неоднократно устраивало свои встречи в этом музее, создавая прекрасную атмосферу в окружении горной экзотики.

Разыскав мэтра по дипломатическим каналам, он сумел договориться о личной встрече, получив приглашение приехать в его резиденцию близ Бангалора, где мэтр проживал в кругу своей семьи. В одну из встреч Иван Дмитриевич рассказал Святославу Николаевичу о жизни и творчестве Булата Окуджавы и спел несколько его песен под гитару. Рерих очень заинтересовался этим и в следующие встречи, после чего решил подарить Булату каталог своей выставки с тёплой дарственной надписью.

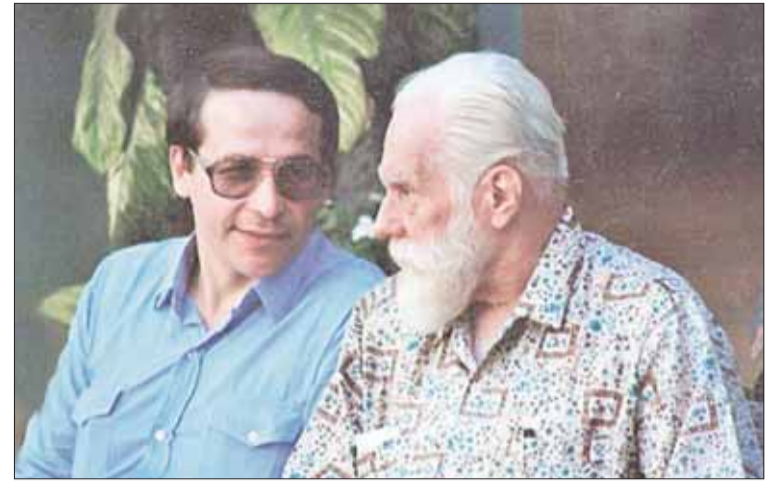
Каталог выставки С. Рериха с автографом.

«Булату Окуджаве. Спасибо Вам за прекрасные песни. Мы их очень ценим!! Святослав Рерих Бангалор 20.2.88».

Святослав Рерих скончался в Индии в 1993 году и был кремирован традиционным индийским способом, могилы его не существует, а по памятным датам цветы возлагают к месту кремации.

Вернувшись в Москву, Егоров рассказал мне об этом и попросил меня поучаствовать в передаче подарка Рериха Булату Окуджаве, так как он давно знал, что у меня был домашний телефон Булата Шалвовича. Когда-то давно, в какой-то своей альпинистской компании мы разговорились с присутствовавшим там Булатом (тогда ещё совершенно неизвестным) и обменялись телефонами. Однако, ни я, ни он ни разу друг другу не звонили. Естественно, я с удовольствием согласился, предвкушая приятную встречу с теперь уже знаменитым мэтром.

К моему удивлению, телефон (через много лет!) оказался действующим! На моё приветствие и вопрос: «Кто?» женский голос ответил: «Оля». «Простите, вы жена Булата Шалвовича?», на что последовал ответ: «Нет, но очень хотела бы ей быть...». Выслушав суть моего обращения, Оля сказала, что, к сожалению, сейчас встретиться с Булатом Шалвовичем не представляется возможным, так как он находится в больнице. Но контакт со Святославом Рерихом его несомненно заинтере-

И.Д. Егоров и С.Н. Рерих.

сует и обещала рассказать ему об этом при следующей встрече с ним в больнице. Обсудив детали предстоящего разговора и оставив свои координаты, мы расстались в полной уверенности в осуществлении моей благородной миссии.

Однако к нашему большому сожалению, сообщения от Оли не последовало, очевидно, состояние здоровья Булата Шалвовича не позволило ему отвлекаться на это. Много позже я узнал, что как раз в этот период развивался, длившийся пять лет, роман Булата с известной певицей и композитором Натальей Горленко, с которой он в дуэте (два голоса и две гитары) успешно концертировал по стране и за рубежом с репертуаром из песен обоих авторов. В этот период он неоднократно уходил из семьи и возвращался обратно, очевидно, этим и объясняется такой странный в то время для меня ответ Ольги. Вскоре Наталья Горленко (кстати, выпускница МГИМО) нашла в себе силы прекратить отношения с Булатом, вышла замуж и с мужем-дипломатом уехала в Швейцарию. Булат Шалвович вернулся в семью. В 1997 году страна узнала, что наш

любимый поэт и композитор Булат Окуджава, будучи в Париже, скоропостижно скончался и был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Много позже я узнал, что Ольга Арцимович, племянница известного академика в области ядерной физики Льва Андреевича Арцимовича была подругой и музой Булата Окуджавы, посвятившая свою жизнь памяти и сохранению его творческого наследия. Так, по её инициативе и под её патронажем проводятся традиционные встречи в день рождения Окуджавы 9 мая в доме поэта в Переделкине (транслируются по телевидению) и другие мероприятия.

А подарок Святослава Рериха хранится в домашнем музее И.Д. Егорова, представляя жемчужину его коллекции.

PS. В апреле-мае 2016 года в Индии в Кулу в Музее Рерихов был проведён фестиваль «МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ». Основным событием его был семинар «Важность наследия Рерихов в современном мире» при участии Посла России в Индии Александра Михайловича Кадакина.

Дискуссионная трибуна

«Это — другое дело!»

НИКОЛАЙ ДОРОЖКИН

Помню, было это в начале девяностых годов. Телевидение переполняли проклятия в адрес СССР, коммунистов, всего советского. Любые возражения категорически отвергались и высмеивались. Особенно яростно пришедшие к власти «демократы» обличали ГУЛАГ и доноительство: «Советский Союз был страной стукачей! Все доносили друг на друга!». Когда кто-то осмеливался напомнить, что в тюрьмах США сейчас не меньше заключённых, чем было в системе ГУЛАГа, а в советских местах заключения около 90 процентов составляли воры, убийцы, бандиты, насильники, «бытовики» (взятники, расхитители и т. д.), причём после войны среди «политических» было много полицейев и карателей, и что у американцев принято «стучать» на соседей и даже родственников, следовал ответ: «Это — другое дело! Там в тюрьмах — преступники, а у нас сидели невиновные люди! А то, что в Америке граждане сообщают полиции о правонарушениях — это не стукачество, а помощь государству!». И была даже передача, в которой известная тогда телеведущая из Питера убеждала аудиторию и зрителей в необходимости внедрения у нас такой «помощи государству!» Когда ей напомнили, что сами же «демократы» обвиняют наш народ в страсти к доносам, телеведущая не нашла, что ответить, кроме невразумительного: «Это — другое дело!».

Далее. Когда в 1999 году В.В. Путин был назначен премьер-министром, это событие также активно обсуждалось на телетелевизорной сессии. Лидер «Яблока» заявил, что бывший сотрудник КГБ и директор ФСБ не должен возглавлять Правительство — это не соот-

ветствует «общечеловеческим ценностям». На вопрос оппонента, как же тогда быть с президентом США Бушем-старшим, который до избрания был директором ЦРУ, последовало категорическое: «Это — другое дело!». И — никаких объяснений. Просто другое дело — и всё. Аксиома! Постулат!

Такой же подход у наших «либералов» (сами они иногда называют себя западниками) и к оценке действий исторических личностей. Самым жестоким правителем прошлых веков они (вместе с европейскими и американскими историками) считают, разумеется, русского царя Ивана IV Грозного. Обоснование простое: при Иване Грозном было казнено более 4 тысяч человек. На возражение оппонентов, что примерно в то же время во Франции при Карле IX только одна Варфоломеевская ночь унесла порядка 30 тысяч жизней, а в Англии при Генрихе III только за бродяжничество казнено 72 тысячи человек, следует стандартный ответ: «Это — другое дело!».

Правда, иногда и западники могли быть объективными. Как известно, А.И. Герцен, обвинявший Николая I в казни пяти декабристов, не скрывал, что был потрясён, когда в 1848 году власти Франции расстреляли мирную демонстрацию и, жесточайше подавив восстание рабочих, казнили 11 тысяч парижан. Но Герцен — явление единичное...

Как-то в разговоре о литературе прозвучало «откровение» — мол, некоторые русские писатели совмещали свою деятельность с выполнением поручений спецслужб. Правда, пример привели только один — И.С. Тургенев. Оказывается, Иван Сергеевич, подолгу проживая в Германии и особенно Франции, сотрудничал с российской внешней разведкой как «чиновник по особым по-

ручениям». Он не занимался шпионажем. В его задачу входило отслеживание в зарубежной прессе всей неправдивой информации о России, а также создание благоприятного образа нашего государства на Западе. У него была очень большая агентура, в том числе среди французских писателей и журналистов, которые публиковали «правильные» статьи о России. Но, несмотря на такое безобидное занятие классика, некоторые участники беседы выразили своё «фи!». Нашёл оппонент, который тут же назвал имена иностранных писателей-разведчиков, выполнявших задания своих спецслужб в России и СССР: Даниэль Дефо, Сомерсет Моэм, Грэм Грин, Ян Флеминг. И что вы думаете? Последовал стандартный ответ: «Это — другое дело!».

Недавно «Радио России» порадовало слушателей, запустив в эфир популярную некогда песню Александра Галича. Помните? «Ну и что тут говорить, что тут спрашивать — вот, стою я перед вами, словно голенький. Я с племянницей гулял тётки-Пашиной — и в «Пекин» её водил, и в Сокольники...». В этой песне особое место занимает куплет, описывающий партийное собрание: «А как вызвали меня — сник от робости... А из зала мне кричат: давай подробности!».

Представляете? Стоит рядовой член партии перед собранием, разбирающим его персональное дело. Признётся в супружеской измене. А товарищи по партии требуют подробности! Каково? В зале десятки человек, и он должен перед ними раскрывать интимные стороны своей личной жизни. «Стыд-срам! Что делают с людьми партия и советская власть!». Именно так реагировала на этот куплет наша интеллигентная шестидесятых годов прошлого века. За этим возмущением слышалась уверенность в том, что там-то, в цивилизованном мире, такое безобразие невозможно.

Но вот пришла перестройка, ликвидирован СССР, компартия отстранена от власти.

В страну устремились западные «общечеловеческие ценности». Стали внедряться элементы культуры «цивилизованного мира», и прежде всего — на телевидении. Приличия ради не будем касаться телепрограмм девятидесятых годов. Рассмотрим ситуацию более близких времён. Огромную популярность у многих телезрителей завоевали программы «Пусть говорят» и «Прямой эфир». И что же люди видят и слышат время от времени на этих передачах? Внутрисемейные и междусемейные «разборки» с привлечением общестественности, обсуждение супружеских измен, выяснение отцовства с помощью генетической экспертизы... А из зала, почти по тексту Галича, несутся требования «Давай подробности!». И это не на собраниях, где обсуждается поведение товарища по партии, а на глазах многих миллионов людей всех возрастов, прильнувших к экрану. Если же кто-то возмутится и в беседе с «либеральными» коллегой сравнит телепрограмму с картиной, нарисованной Галичем, обязательно услышит: «Это другое дело!».

А вот довольно комичный случай, свидетелем которого я был ещё в конце шестидесятых годов. Во время обеда на рабочем месте один сотрудник, с аппетитом поедая толстый бутерброд, предложил другой такой же своему соседу. «А что это такое?». «Да простой бутерброд с печёночным паштетом, финская продукция, между прочим...». Получив солидный ломоть хлеба с ароматным покрытием, сосед быстро его умял и, запивая чаем, прокомментировал: «Какая вкуснятина! Молодцы финны! А где ты достал этот паштет?». Ответ был неожиданным: «Извини, я пошутил. Паштет не финский, а наш, отечественный, жена в гастрономе купила...». Ещё неожиданнее была реакция: «Ну, подожди! Я тебя когда-нибудь ещё не такой гадостью накормлю!».

Как видите, отечественная продукция — заведомая гадость, а импортная — вкуснятина... «Это — другое дело!».